

УДК 94(47)02

ББК 63.3(2)4

DOI 10.25797/NG.2020.8.4.003

П. И. Гайденко

**КОГДА КНЯЗЬ СТАНОВИЛСЯ СВЯТЫМ?
НЕСКОЛЬКО НАБЛЮДЕНИЙ О ФЕНОМЕНЕ СВЯТОСТИ
ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ XI-XIII ВВ.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)**

Аннотация: Критерии святости как научная и мировоззренческая проблема давно привлекают к себе внимание не только богословов, для которых они имеют сугубо «практическое» значение, но и светских исследователей. Эти критерии были обусловлены множеством факторов: ожиданиями тех, кто создавал культ или был готов его принять, этническими, социальными и политическими предпочтениями времени, общим культурным уровнем общества и той социальной группы, в которой происходило «рождение» феномена святого, и т. д. В отмеченном контексте несомненно одно – культы святых князей на Руси возникли как продукт эпохи. На каком-то этапе святые князья по популярности уступили свое место культам преподобных, юродивых, святителей, мучеников. Однако первые три века христианства на Руси – это столетия святых князей. Всё указывает на то, что князья, если только они не были изгоями и сохраняли свое положение в сложной внутренней иерархии правящего рода, по смерти могли получать почести, подобные тем, какие оказывались святым. При том, что общецерковное прославление значительной части князей произошло в более позднее время,

есть все основания полагать, что их почитание как святых начиналось с момента погребения.

Данная статья является продолжением доклада, прозвучавшего в СПбДА в октябре 2020 года.

Ключевые слова: Древняя Русь, домосковская Русь, святые князья, канонизация в Русской православной церкви, История Русской церкви, святые Древней Руси.

Проблема посмертного церковного почитания князей в лике святых не может быть разрешена без ответа на ряд вопросов, большинство из которых в той или иной мере уже были артикулированы в российской и западной историографии, найдя отражение во множестве публикаций. Однако едва ли проблема древнерусской святости исчерпана. На настоящем этапе погружение в эту тему не столько разрешает имеющиеся недоразумения, сколько порождает новые вопросы. Например, что способно объяснить появление в первой трети XI в. острой потребности в святости? Кто являлся инициатором и «потребителем» совершавшихся прославлений и нарождавшихся культов?

Почему из множества князей домонгольской Руси, имевших посмертное почитание, в церковной литургической памяти оказались закрепленными только немногие имена? Каким критериям должен был отвечать человек, в котором желали обрести святого? Что ожидали от святого? Это были святые для всех или для избранных? Что именно в образах носителей княжеской власти наделяло тех особыми чертами «святости»? Не меньше затруднений возникает при попытке выявить византийские, южнославянские и латинские (западные) влияния на формирование культов святых на Руси¹. Исследования М. Ю. Парамоновой лишь убеждают в трудноразрешимости этой интереснейшей проблемы². Малоосмысленной остается тема понимания святости современниками XI–XIII в. Предпринятые в этом направлении М. В. Дмитриевым усилия в отношении XV–XVI в. и Н. А. Синкевич – применительно к XVII в. в Малороссии, – посвящены всё же иным эпохам и, к сожалению, пока сохраняют уникальный характер, не найдя подобных реализованных проектов со стороны иных исследователей³. И на этом список вопросов не завершается. Правда, необходимо признать, что ожидаемые на вопросы ответы,

скорее всего, окажутся неоднозначными и будут лишены лаконичности. Понимая ограниченность ресурсов и возможностей статьи, наиболее оптимальным видится рассмотреть сопровождавшие представителей княжеского рода представления, а также прижизненные и посмертные практики, позволяющие говорить о том, что тот или иной представитель правящей династии мог иметь почитание, характерное для святых.

Основные признаки «святости» и условия ее признания.

В отечественной литературе, посвященной проблеме почитания и прославления святых, обычно указывают следующие признаки, позволявшие говорить о возможности признания святости почившего христианина: наличие службы и жития, написание иконы и построенного в честь праведника храма⁴. Всё перечисленное должно свидетельствовать о благочестивой жизни почившего христиани-

¹ В оправданности сформулированных вопросов убеждают историографические наблюдения С. А. Яцык: *Яцык С. А.* Введение. Тренды в изучении святости // *Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века* / отв. ред. С. А. Яцык. СПб., 2019. С. 5-15.

² См. подробнее: *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. М., 2003.

³ *Дмитриев М. В.* Конфессиональные особенности представлений о культе святых в некоторых полемических текстах Московской Руси конца XV–XVI вв. // *Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века* / отв. ред. С. А. Яцык. СПб., 2019. С. 28-56; *Синкевич Н. А.* Культы святых Могиланского времени между Римом, Константинополем и Москвой (на примере «Патерикона» Сильвестра Косова и «Тератургимы» Афанасия Кальнофойского) // *Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века* / отв. ред. С. А. Яцык. СПб., 2019. С. 57-68.

⁴ Порой список этих условий расширяется за счет составления молитв, служб, житий, паремийных чтений и иных текстов, позволяющих не включать совершение памяти того или иного святого в богослужебный годовой круг.

на и демонстрировать наличие народного почитания усопшего. Однако ситуация, как обычно, оказывалась сложнее. Во-первых, далеко не все святые имели иконописные образы и тем более отдельные службы. Во-вторых, в Византии продолжительное время отсутствовали жесткие единообразные условия и ясные процедуры прославления христианских праведников. Как показало исследование Е. Е. Голубинского, процедуры канонизации в империи были обусловлены множеством факторов, отражавших как социальный и церковный статус прославляемого христианина, так и особенности религиозно-политических реалий государства ромеев на том или ином этапе его истории⁵. Высказанные М. Д. Приселковым суждения о неудаче Ярослава Мудрого в деле канонизации своего отца, Владимира Святославича, при всей своей гипотетичности вполне убедительно демонстрируют всю сложность и конфликтность процесса прославления святых на Руси⁶. Византийский консерватизм и настороженность Константинополя не поощряли прославления новых святых в среде варваров. В итоге ревнителям о небесной славе явленных в новопросвещенной среде подвижников мало было создать необходимые тексты и сформировать материальные условия для организации культа. Самой сложной стороной дела оказывалась процедурная сторона, которая, как уже было отмечено, была лишена

желаемой ясности.

Стремясь выявить критерии, позволявшие современникам добиться признания святости князей Бориса и Глеба со стороны Константинополя, Е. В. Романенко сумела обозначить несколько таковых признаков и процедур: решение князя и митрополита, установление дня памяти, почитание мощей святого, которые непременно переносились в церковь, написание иконы, строительство и освящение в его честь храма (лучше, когда таковой храм появлялся и в Константинополе), наличие чудес (предпочтительнее трех)⁷. Однако, перечисленные признаки далеко не всегда сопровождали посмертную славу тех, чьи имена так желанно было увидеть в лике святых. Например, не отмечено чудес у саркофагов князя Владимира и княгини Ольги. Впрочем, в случае Ольги ситуация виделась более приемлемой. Сторонниками прославления княгини чудом признавалась сохранность ее останков⁸. Нет упоминания о

⁵ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903. С. 13-39.

⁶ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003. С. 60-69.

⁷ Романенко Е. В. Святые страстотерпцы и критерии их канонизации // «Восстанет цесарь в опустевшей земле». Люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н. С. Борисова: Сб. науч. статей / отв. ред. Л. С. Белоусов. СПб., 2020. С. 34-46.

⁸ «Такое чудо слышите о ней: в гробу, в котором лежит блаженное и честное тело блаженной княгини Ольги (гроб каменный маленький в церкви святой Богородицы – той церкви, которую создал блаженный князь Владимир каменную в честь святой Богородицы – и есть гроб блаженной Ольги), и наверху гроба сделано оконце, и в него видно тело блаженной Ольги, лежащее нетленным. И если кто с верою придет, отворится оконце и увидит он честное тело, лежащее целым, и подивится чуду таковому: столько лет в гробу лежащему телу – и не распавшемуся. И люди правоверные, видя это чудо,

подобных случаях при гробах иных представителей княжеского рода. Исключениями в этом ряду продолжительное время оставались Борис и Глеб, у чьих мощей исцеления всё же происходили. В XIII в. чудом было отмечено и отпевание князя Александра Ярославича: «Бысть же тогда чудо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть святое тѣло его в раку, тогда Савастиян икономъ и Кириль митрополит хотя розъяти ему руку, да вложат ему грамоту душевную. Он же, акы живъ сущи, распростеръ руку свою и взят грамоту от руки митрополита. И приять же я ужасть, и одва отступиша от раки его. Се же бысть слышано всѣмъ от господина митрополита и от иконома его Савастияна. Кто не удивится о семъ, яко тѣлу, бездушну сущю и везому от далних градъ в зимное время!»⁹. (Иногда

славят Бога, дивясь милости Божией, которую Он оказывает святым Своим. О дивное и страшное чудо, и преславное! И достойно всякой похвалы то честное тело: в гробу целое, будто спя, почивает! Поистине: дивный Бог во святых Своих, Бог Израилев! Зная это, верные люди прославляют Бога, прославляющего рабов Своих. А другим, которые не с верою приходят, не отворится оконце гробовое, и не видят они тела того честного – но только гроб» (Похвала княгине Ольге // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т.: Т. 1: Домонгольский период / [Сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М., 2010. С. 290).

⁹ Повѣсти о житии и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 2005. С. 368; Ульянов О. Г. Первое чудо Александра Невского: коллизия агиографии и церковной практики // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. № 1 (12). 2020. С. 70–80.

посмертные чудеса на Руси были основой канонизации. К примеру, современник Александра Невского, ростовский святитель Игнатий с точки зрения агиографов был знаменит исключительно тремя посмертными чудесами, включая исцеления от прикладывания к его увечной от рождения руке). Между тем, упомянутый «недостаток» большинства почивших Рюриковичей не исключал возможности молитвенного обращения к почившим князьям или признания того, что по их молитвам можно обрести помощь (к примеру, автор Жития Александра Невского не отмечал, что от его тела люди получали помощь и исцеление, и не уточнял, изменилась ли жизнь тех, кто прикоснулся его к его святому телу, уделив внимание вышеописанному посмертному чуду с рукой Александра Ярославича). Первым подал пример подобного обращения митрополит Иларион, взывая к князю Владимиру: «И еще помолись о сыне своем <...>»¹⁰. Так что вопрос о восприятии целого ряда почивших князей не только в качестве лиц, причастных к сакральной силе власти при их жизни, но и как к святым по смерти, как это видится, имеет право на существование. Даже при том, что за подавляющим большинством почивших князей так и не произошло официального закрепления статуса святых через акт канонизации со стороны Константинопольской кафедры или же ее официальных представителей, многое в

¹⁰ Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост, авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010. С. 190.

сообщениях источников об этих князьях указывает на то, что многие усопшие члены правящего рода домонгольской эпохи пользовались почитанием и признавались святыми своими потомками и современниками. При этом в вопросе о почитании и признании святости хорошо различать официальную позицию церкви и фактическое отношение к усопшему со стороны тех, смотрит на почившего с особым духовным пиететом.

Признаки благоговейного отношения к памяти усопших князей обнаруживаются в целом комплексе письменных известий и архитектурных памятников. Именно они позволяют сделать предварительные суждения о восприятии образа и статуса князя в сознании современников той эпохи. Например, принятию князя в качестве лица, причастного не только при жизни, но и по смерти к священному, могли способствовать выполнявшиеся князем функции в области церковной и храмовой жизни, во многом роднившие его с жреческими и священническими. Именно князь решал вопрос о регламентации религиозной жизни и о выборе веры, какими бы мотивами эти шаги ни объяснялись. Только князю принадлежало право совершения миссионерского или апостольского служения в деле утверждения веры на своей территории. Князь определял места служения для духовенства, обеспечивал законность суда и защиту территорий, придавая своим военным акциям смысл крестовых походов. Жизнь князя, его вступление в город, посажение на престол и сама смерть и погребение были глубоко ритуализированы. После принятия христианства почти всегда это было связано с храмовым дей-

ствием. Не меньшими смыслами наделялась княжеская одежда и доступные князю инсигнии власти. Княжеские образы изображались на стенах соборов, что вводило их в круг святых царей, пророков, святителей, преподобных и мучеников. Несомненно, князь обладал богатством, то есть был отмечен Богом достатком, благодаря которому он строил храмы, содержал епископии и церкви, то есть ему было доступно строительство сакральных мест, что оставалось недоступным для обычных смертных. Наконец, имена князей записывались в синодики, которые воспринимались как книги жизни, а их имена возглашались за богослужением. В определенном смысле князь был не просто носителем сакральной власти, он, его одежда, тело и сами поступки могли приобретать значение, сопоставимое с тем, какое имеют церковные реликвии и жизни тех, кто отмечен Божественной благодатью доброго христианского существования и святости жизни праведника, погруженного в непростые заботы этого мира. Впрочем, всё перечисленное всё же нуждается в более детальном рассмотрении, насколько это позволяет жанр очерка.

Погребение в храме.

Погребение древнерусских князей в храме во многом было обусловлено не только их высоким социальным и политическим положением, но и ктиторским статусом почивших, возникавшим на основе фундаторских прав. Всё это позволяло князьям использовать создававшиеся ими соборы и монастыри в качестве родовых

некрополей¹¹. Однако храм наделялся еще одним смыслом. Он выступал высшей формой подношения Богу, которое мог совершить человек. Такое осмысление церкви находило свое выражение в традиции княжеских ктиторских портретов, представлявших создававшиеся культовые сооружения в качестве драгоценного дара Христу¹². В итоге с устройством в храме некрополя в качестве жертвы приносилась не только возведенная церковь, но и княжеское тело, полагавшееся под сводами собора. Здесь останкам надлежало найти место своего упокоения в ожидании Последнего Страшного Суда. Отмеченное восприятие храма и всего, что в нем пребывает, хорошо просматривается, например, в истории перезахоронения в Софийском соборе Киева останков князей Олега и Ярополка¹³. Возникший по воле Ярослава некрополь приобрел несомненную религиозную цен-

ность и одновременно служил делу утверждения особого статуса русских князей в среде элиты и в глазах населения, но и в отношениях с Богом. Всё это позволяло А. С. Хорошеву рассматривать подобные усилия Владимира и Ярослава как создание своего рода «русского пантеона», в котором поминание князей переносилось на христианскую идейную почву¹⁴. В отмеченном контексте примечательна иеротропия храмового пространства Десятинной церкви. Внутри ее стен отмечены захоронения 7 представителей княжеского рода, не считая погребений, обнаруженных во дворе собора¹⁵. Столь

¹¹ О княжеских погребениях в церквях XI–XIII вв. см.: *Гайденко П. И.* К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси (окончание) («царские» монастыри домонгольской Руси) // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* № 6. 2016. С. 369–386.

¹² Наиболее ранними примерами из сохранившихся княжеских портретов с изображением подносимой Христу церковью могут служить фрески Софийского собора и Кирилловской церкви в Киеве, а также фреска в Спасо-Нередицкой церкви Новгорода над местом, которое предназначалось для погребения ктитора, Ярослава Владимировича Новгородского. Не менее интересен подобный портрет в рукописи XII в. Слово Ипполита, папы Римского, об антихристе (см. описание этих портретов у Н. П. Кондакова и А. С. Преображенского: *Кондаков Н. П.* Изображения княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906. С. 42–44; *Преображенский А. С.* Ктиторские портреты Средневековой Руси XI – начала XVI века).

¹³ «Выгребена быста . вѣ . княжа Ярополкъ . и Сѡлгь . снѣ Стѡславлѣ . и крстиша кости ею . и положи ѿ въ цркви стѣѣ Бѣѣ в Володимѣри» (ПСРЛ. Т. 2. М., 2001. Стб. 143; см. дискуссию о «крещении» княжеских костей: *Успенский Ф. Б.* Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей // *Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой* / Т. Н. Джаксон, В. Я. Петрухин и др. (редакторы). М., 2001. С. 407–414; *Щавелев А. С.* Летописные известия о крещении Ярополка Святославича // *Вестник РГГУ.* № 12. 2011. С. 78–87; *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. С. 82; *Алексеев А. И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 2016. С. 103–105; *Костромин К. А., прот.* Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства / отв. ред. А. В. Петров. СПб., 2016. С. 11–13).

¹⁴ *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1986. С. 48.

¹⁵ О захоронениях внутри Десятинного собора и в его дворе см. исследования М. К. Каргера и наблюдения П. П. Толочко: *Каргер М. К.* Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры*

же интересна для исследователей внутренней организация храмового устройства и декора Кирилловской церкви, аркосоли которой, вероятно, предназначались для Всеволода Ольговича и тех, кому, как полагает современный исследователь этого древнего собора А. Ганшин, надлежало воспринять после Всеволода власть на Руси¹⁶.

Вместе с тем история XI-XIII вв. демонстрирует, что местом погребения представителей княжеского рода становился не только храм, но и иные сакральные места, например, монастырь или церковный двор. Примером этого может служить погребение в Печерском монастыре плененного Владимиром Мономахом минского князя Глеба Всеславича, а в последующем и его супруги, пожелавшей

упокоиться в одном гробу с мужем¹⁷. Правда, в подобных случаях над местом захоронения могло быть возведено какое-либо строение – поминальная часовня или храм. Именно так, в особом «теремце» возле Спасского кафедрального собора был погребен (перезахоронен) князь-инок Игорь, останки которого принесли из Киевского Симеоновского монастыря¹⁸. При том, что П. А. Раппопорту не

туры / Ответственный редактор С. Н. Бибиков. Вып. IV. М.-Л., 1940. С. 12-20; *Каргер М. К.* К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны (Доклад на секторе дофеодальной и феодальной Восточной Европы 3 июня 1940 г.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры / Ответственный редактор С. Н. Бибиков. Вып. VII. М.-Л., 1940. С. 76-80; *Каргер М. К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. В 2 т.: Т. 2: Памятники киевского зодчества X-XIII вв. / Отв. ред. Н. Н. Воронин. М.-Л., 1961. С. 9-12; *Толочко П. П.* О месте и времени крещения и канонизации Владимира Святославича // Византийский временник. Т. 70 (95). М., 2011. С. 90-104.

¹⁶ Украинский исследователь высказал предположение о возможности предназначения аркосолей Кирилловской церкви для погребения Всеволода Ольговича, его брата Игоря Ольговича и старшего сына Всеволода, Святослава Всеволодовича (*Ганшин О.* Сакральна організація князівської усипальні Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів // Славістична збірка, Вып. 4. 2018. С. 173–174).

¹⁷ «Том же лѣтъ преставис . блжѣнаѣ княгини Глѣбоваѣ . Всеславича . дочи Ярополча Изаславича . сѣдѣвши по кнѣзи своемъ . вдовою лѣтъ . мѣ . а всихъ лѣтъ и ѿ ржства . пѣ . и . дѣ . лѣтъ . и положена быс в Печерскомъ манастыри . съ кнѣземъ въ гробѣ оу стѣго Федосьѣ оу головахъ . быс же преставление еѣ . мсца генвара . въ гднѣ а въ час ѿ ноци . а въ дѣ . вложена въ гробѣ . си бо блжѣнаѣ княгини . велику имѣаше любовь . съ кнѣзем своимъ . къ стѣи Бѣи и къ ѿцѣю Федосью . ревнуючи ѿцѣю своему Ярополку . сии бо Ярополкъ вда всю жизнь свою . Небльскую волость . и Дерьевскую . и Лучьскую . и вколо Киева . Глѣбъ же вда въ животѣ своемъ . съ княгинею . х гривень серебра . а . нѣ . гривень золота . а по княжи животѣ княгини вда . рѣ . гривень серебра . а . нѣ . гривень золота . а по своем животѣ вда княгини . ѣ . сель и съ челадыю . и все да и до повоѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 492-493). Судя по всему, Глеб и его жена являлись одними из крупнейших жертвователей обители. Однако, исходя из того, что минский князь был погребен не в храме или в пещерах, а в церковном дворе, в пользу чего высказывался Г. Ю. Ивакин, можно заключить, что Глеб не обладал правами ктитора (об идентификации найденных во дворе Печерского монастыря останков с останками Глеба Всеславича и Анастасии Ярополковны см. подробнее: *Ивакин Г. Ю., Балакин С. А.* Археологічні дослідження Успенського собору у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. / Відп. ред. М. Ю. Відейко. Київ, 1998. С. 78-79).

¹⁸ «В то же верема (лѣтъ) Стѣславъ Сѣлговичъ . перенесе мощи брата своего Игоря . ѿ стѣго Семена ис Копырева конца . в Черниговъ . и положиша оу стѣго Спѣса в теремѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 408).

удалось в ходе исследования Спасского собора в Чернигове установить, «какое помещение носило это наименование»¹⁹, очевидным видится лишь то, что «терем» являлся частью храмового комплекса. Аналогично описано в летописании место погребения дочери Всеволода Евпраксии (королевы Адельгейды), над могилой которой была возведена «божница»²⁰. Подобное почтение к месту упокоения князей, с одной стороны, в полной мере вписывалось в практику организации элитарных захоронений правителей, с другой стороны, вполне соотносилось с тем почтением, которое оказывалось святым, подчеркивая не только сакральность власти, но и священный характер тел тех, кто ею был наделен. Именно так, по мнению М. К. Каргера, поступил Ярослав, когда в условиях подготовки канонизации Бориса и Глеба воздвиг над местом их погребения церковь²¹. Примечательно, что наиболее почетным считалось погребение в городских кафедральных соборах. Наконец, желанным местом захоронения для князя Всеволода Ольговича стал Вышгород, где он был погребен рядом с Борисом и Глебом²², невзирая на

то, что им уже был создан свой храм – Кирилловская церковь, где также для его упоения было приготовлено место.

В определенном смысле останки князей становились реликвиями или могли почитаться в качестве таковых. Именно так воспринимал погребения и порты владимирских князей летописец, сообщавший о постигшем Успенский собор Владимира разграблении²³. Престижность или элитарность подобных захоронений, богато украшенных и окруженных почтительной защитой, не могли не вызывать к себе благоговения современников, воочию убеждавшихся в особом статусе князя не только в земном, но и в небесном предстоянии. Поэтому, обращаясь к крестителю Руси, Владимиру, митрополит Иларион восклицал: «Встань, о честная глава, из гроба твоего! Встань, отряси сон! Ибо не умер ты, но спишь до всеобщего востания. Встань, не умер ты! Не надлежало умереть тебе, уверовавшему во Христа, <Который есть> жизнь, <дарованная> всему миру. Отряси сон <свой>, возведи взор и узришь, что Господь, таких почестей сподобив тебя там, <на

¹⁹ *Раннопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 39.

²⁰ «Пристависл Евпраксии Всеволожа дщи . мс ца июла . въ . ѿ . днѣ . и положено быс (тѣло . и положено быс) тѣло еѧ в Печерьскомъ монастыри оу дверии аже къ оугу . и вчиниша над нею божницю . идѣже лежить тѣло еѧ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 260).

²¹ *Каргер М. К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города: Т. 2. С. 251.

²² «въ вѣтрѣи же днѣ прѣстависл Всеволодъ . мс ца августа . въ а днѣ и спратавше тѣло его и положиша . оу цркви стѣю мчнѣку» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 321).

²³ «Татарове же силою втвориша двери црквины ѧ . и видѣша ввы вгнем скончавшас . ввы же вружьем до конца смрѣти предаша . стѣю Бѣю разграбиша . чудную икону вдраша оукрашену златом и серебром и каменьемъ драгым . и манастирь всѣ и иконы вдраша . а иныѣ исѣкоша . а ины поимаша . и крсты чстныѧ . и ссуды сѣченныѧ . и книги вдраша . и порты блжнѣх первы х князии . еже баху повѣшали в црквах стѣх . на памѣт собѣ <...>» (ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 463; Толочко А. П. «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия: сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов) / АН УССР, Ин-т археологии; [редкол.: П. П. Толочко (отв. ред.) и др.]. К., 1991. С. 34–42).

небесах>, и на земле не без памяти оставил в сыне твоём»²⁴. Князю надлежало воскреснуть и восстать в храме, который он и создал.

Создававшееся вокруг княжеского гроба или на месте княжеского захоронения сакральное пространство, украшенное княжескими одеждами, росписью и иконами, должно было еще более убеждать посетителей гробницы в том, что почивший был добрым христианином. Именно поэтому ему оказывались почести, подобные тем, какие обычно предназначались для святых. И некоторые панегирики не позволяют усомниться, что почивший князь воспринимался как святой. Под 1174 г., сообщая о смерти князя Святослава Юрьевича, летописец в следующих словах отзывается о почившем: ««тогож . лѣт . Престависа блѣговѣрнѣи князь Стѣславъ Юргевичъ . мѣсѣ . генварѣ . въ . а . гѣ . днѣ . Се же . князь избраникъ Бжїи бѣ . ѿ ржства и до свершеньѣ мужства . бы с ѣму болестъ зла . еѣже болѣзни просахуть на са стїи апсли . и стїи шїи оу Ба . кто бо постражетъ болѣзнью тою . ажеже книги плѣють . тѣло ѣго мучитса . а дшѣ ѣго спсѣаетса . також и тѣ **во истину стїи и Стѣславъ Бжїи оугодникъ . избранїи въ всѣх князехъ** (выделено – П. Г.). не да бо ѣму Бѣ княжити на земли . но да ѣму црство нбсноє . и по оуспеньи ѣго положено быс ѣго тѣло в цркви стѣѣ Бѣѣ Суждали»²⁵. Таким образом, тело почившего князя приобретало статус реликвии. Примечательно, что, сообщая о перезахоронении останков князя-инока Игоря в

Чернигове, летописец называет их не иначе как «мощами»²⁶. В итоге возведение над ними «теремца» подчеркивало не только статус погребенного под сводами сооружения князя, но воздавало ему честь, какую обычно оказывают святым.

Более того, пребывая в храме, княжеское погребение становилось частью литургического пространства, в котором совершались службы, приносилась бескровная Жертва и поминался синодик, своего рода «книга жизни». Между тем, всеми перечисленными чертами организация сакрального пространства княжеского гроба, как на это обратила внимание Т. Е. Самойлова, «в общих чертах следовала византийской традиции» и во многом воспроизводила практику императорских погребений в Константинополе²⁷.

Несомненно, подобно другим христианским державам, Русь нуждалась в святых, запрос на которые в княжеской среде и в кругу властных элит на протяжении всего средневековья оставался крайне высоким. В этом тяга русских правителей к реликвиям во многом черпала вдохновение в византийских придворных и церковных реалиях. Однако здесь, скорее всего, присутствовала не идейная, а формальная близость. В Византии роскошь императорского двора и несметное число реликвий константинополь-

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 408.

²⁷ См. подробнее статью Т. Е. Самойловой: *Самойлова Т. Е.* Священное пространство княжеского гроба // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Редактор-составитель А. М. Лидов. М., 2006. С. 579-611.

²⁴ Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона... С. 189.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 365-366.

ских церквей рождали идеологический посыл, который был неподъемным для Руси XI–XIII вв. Между тем, сочетание роскоши и святости обладало своей притягательностью. Хольгер Клейн достаточно точно сформулировал суть такого демонстративного единства земных и небесных богатств: «Taken together, these sacred treasures and their location inside the imperial palace underscored two major tenets of Byzantine imperial ideology: the empire's god-guarded status and privileged position among the nations of the Christian oikoumene and the emperor's role as its divinely appointed guardian and protector»²⁸. Демонстрация этих сокровищ перед гостями имперской столицы внушала благоговение и смирение перед мощью Нового Рима. На Руси присутствовала иная ситуация. Неосторожное перенесение византийских реалий на русскую почву порой порождало обратный эффект. Например, неуместной, по мнению летописца, выглядела попытка Святослава Ярославича продемонстрировать в 1076 г. свои богатства перед немецкими посланцами. Увиденное, по версии русского книжника, вызывало у членов германского посольства удивление иного рода. В результате книжник привел этот эпизод в качестве упрека великому князю²⁹. Впрочем, в истории Андрея Бого-

любского демонстрация княжеских богатств и церковных сокровищ Боголюбова, если верить летописцу, рождала, напротив, восторг и восхищение³⁰.

Русь не скрывала своей потребности в христианских реликвиях. Об этом можно судить не только по обильным результатам археологических изысканий, но и по многочисленным летописным известиям, упоминающим о реликвиях, оказывавшихся в княжеских руках или в руках властных и церковных элит³¹. Несомненно, по своей «сакральной ценности» большинство из привозившихся на Русь святынь уступали тому, чем обладали ромеи, поражая взоры паломников в храмах и дворцах греческих городов и Константинополя. И всё же это удовлетворяло духовную жажду молодого христианского общества.

В описанных условиях княжеские погребения, судя по тому почтению, каким они окружались, рассматривались современниками в качестве ценных реликвий. Судя по всему, ситуация изменилась лишь с монгольским нашествием. Именно в этот период фиксируется первое упоминание о непочтительном отношении к княжеским останкам со стороны церкви. Под 1280 г. Московский летописный свод

²⁸ *Holger A. Klein. Sacred Relics and Imperial Ceremonies at the Great Palace of Constantinople // Visualisierungen von Herrschaft, Byzanz / F. A. Bauer (Hrsg.). 2006. № 5. P. 80.*

²⁹ «В лѣт . ꙗꙑ . ꙑ . ꙑꙑ . [6583] <...> В се лѣт придоша послѣ из Немець . къ Сѣославоу . Сѣослав же величашес . показа имъ бѣтство свое . вни же видивыше . бесчисленное множество . злат и сребра . и паволоч . рѣша се ни во что же есть . се бо лежить мртѣво» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 189-190).

³⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 367.

³¹ Древнерусское летописание позволяет получить вполне ясное представление о том, насколько важной представлялась тема реликвий не только для книжников, но и для современников. См. подробнее работу М. А. Маханько и Е. М. Саенковой: Реликвии по известиям русских летописей XI–XVII веков / Составление и комментарии М. А. Маханько и Е. М. Саенковой // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / Редактор-составитель А. М. Лидов. М., 2006. С. 317-462.

сохранил показательную запись: «В лето 6788. <...> Того же лета прииде митрополит Кирил, прииде ис Квева в Суздальскую землю, и слыша Игнатия епископа неправотворяща не по правилом, осудил бо бе князя своего Глеба по девяти неделях преставленья его, изрину его из церкви в полунощи и повеле погresti его у Спаса въ Княгинине монастыри. Митрополит же отлучи за то епископа от службы. Донели же князь Дмитриеи Борисович доби ж за него челом митрополиту. Митрополитъ же простивъ его рече ему: “brate, сыну възлюбленне, плачися семь и каися о том гресе и до своая смерти, осудил бое си мертвеца преже суда божия, а жива стыдася его и дары емля от него”»³². Изъятие княжеских останков из кафедрального собора, совершенное под покровом ночи – первый случай подобного рода. Аналогичное поругание великокняжеской, а точнее царской памяти встречается уже только в эпоху Смуты, когда публичному уничтожению подверглось не только тело Бориса Годунова, что нашло свое отражение в нарративных текстах эпохи³³, но и память о низложенной царской семье. Совершенное тогда перезахоронение Бориса, сопровождаемое отказом в полноценном христианском погребении его сына и жены, якобы принявших яд, очевидно, преследовало своей целью не

только совершить уничтожение сверженной династии, но и лишить ту возможности наследовать спасение в вечности. Именно ради этого гроб Годунова сторонниками Лжедмитрия (самозванца Григория Отрепьева) был изъят из Архангельского собора, почивший царь предан анафеме и захоронен с останками сына и супруги у стен бедного и неприглядного женского Варсонофьевского монастыря, кладбище которого предназначалось для погребения нищих и лиц, погибших от насильственной смерти (самоубийства)³⁴. Не менее печальной оказалась судьба останков и иных «царей» эпохи Смуты. Однако приведенные случаи имеют экстраординарный характер.

(продолжение в следующем выпуске)

³² ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 152.

³³ Скрипкина Е. В. Федор Иванович и Борис Годунов в русской публицистике первой четверти XVII вв. // Омский научный вестник. № 5 (91). 2010. С. 36-39; Эббингхаус Андреас. Образ Бориса Годунова в российской исторической традиции (XVII–XIX вв.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 23. № 2. 2017. С. 86-92.

³⁴ Тюменцев И. О. Перезахоронения тел Бориса Годунова и его семьи в контексте идеологического противостояния в Смутное время // Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия. Материалы конференции, посвященной 400-летию Деулинского перемирия (Москва, 11 декабря 2018 г.) / под ред. К. А. Аверьянова. М., 2018. С. 86-90.

Библиография

Источники:

Повести о житии и о храбрости благочестиваго и великаго князя Александра // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб., 2005.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.

Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 2001.

Полное собрание русских летописей. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. М., 2004.

Похвала княгине Ольге // Памятники общественной мысли Древней Руси: В 3 т.: Т. 1: Домонгольский период / [Сост., авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский]. М., 2010.

Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 1: Домонгольский период / сост, авт. вступ. ст. и коммент. И. Н. Данилевский. М., 2010.

Литература:

Алексеев А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 2016.

Гайденко П. И. К проблеме типологизации монастырей домонгольской Руси (окончание) («царские» монастыри домонгольской Руси) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. № 6. СПб., 2016.

Ганишин О. Сакральна організація князівської усипальні Кирилівської церкви Києва та датування її фрескових розписів // Славістична збірка. Вип. 4. 2018.

Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. М., 1903.

Дмитриев М. В. Конфессиональные особенности представлений о культе святых в некоторых полемических текстах Московской Руси конца XV–XVI вв. // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / отв. ред. С. А. Яцык. СПб., 2019.

Івакін Г. Ю., Балакін С. А. Археологічні дослідження Успенського собору у 1998 р. // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. / Відп. ред. М. Ю. Відейко. Київ, 1998.

Каргер М. К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. В 2 т.: Т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв. / ИА АН СССР; отв. ред. Н. Н. Воронин. М.–Л., 1961.

Каргер М. К. К вопросу о саркофагах кн. Владимира и Анны (Доклад на секторе дофеодальной и феодальной Восточной Европы 3 июня 1940 г.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры / Ответственный редактор С. Н. Бибииков. Вып. VII. М.–Л., 1940.

Каргер М. К. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры / Ответственный редактор С. Н. Бибииков. Вып. IV. М.–Л., 1940.

- Кондаков Н. П.* Изображения княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.
- Костромин К. А.*, прот. Князь Владимир и истоки русской церковной традиции: этюды об эпохе принятия Русью христианства / отв. ред. А. В. Петров. СПб., 2016.
- Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. М., 2003.
- Преображенский А. С.* Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. М., 2010.
- Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.
- Раппопорт П. А.* Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982.
- Реликвии по известиям русских летописей XI–XVII веков / Составление и комментарии М. А. Маханько и Е. М. Саенковой // Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / Редактор-составитель А. М. Лидов. М., 2006.
- Романенко Е. В.* Святые страстотерпцы и критерии их канонизации // «Восстанет цесарь в опустевшей земле». Люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н. С. Борисова: Сб. науч. статей / отв. ред. Л. С. Белоусов. СПб., 2020.
- Самойлова Т. Е.* Священное пространство княжеского гроба // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Редактор-составитель А. М. Лидов. М., 2006.
- Синкевич Н. А.* Культы святых Могиланского времени между Римом, Константинополем и Москвой (на примере «Патерикона» Сильвестра Косова и «Тератургимы» Афанасия Кальнофойского) // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / отв. ред. С. А. Яцык. СПб., 2019.
- Скрипкина Е. В.* Федор Иванович и Борис Годунов в русской публицистике первой четверти XVII вв. // Омский научный вестник. № 5 (91). 2010.
- Толочко А. П.* «Порты блаженных первых князей»: к вопросу о византийских политических теориях на Руси // Южная Русь и Византия: сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов) / АН УССР, Ин-т археологии; [редкол.: П. П. Толочко (отв. ред.) и др.]. К., 1991.
- Толочко П. П.* О месте и времени крещения и канонизации Владимира Святославича // Византийский временник. Т. 70 (95). М., 2011.
- Тюменцев И. О.* Перезахоронения тел Бориса Годунова и его семьи в контексте идеологического противостояния в Смутное время // Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия. Материалы конференции, посвященной 400-летию Деулинского перемирия (Москва, 11 декабря 2018 г.) / под ред. К. А. Аверьянова. М., 2018.

Ульянов О. Г. Первое чудо Александра Невского: коллизия агиографии и церковной практики // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. № 1 (12). 2020.

Успенский Ф. Б. Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой / Т. Н. Джаксон, В. Я. Петрухин и др. (редакторы). М., 2001.

Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.) / отв. ред. В. Л. Янин. М., 1986.

Щавелев А. С. Летописные известия о крещении Ярополка Святославича // Вестник РГГУ. № 12. 2011.

Эббингхаус Андреас. Образ Бориса Годунова в российской исторической традиции (XVII–XIX вв.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Т. 23. № 2. 2017.

Яцык С. А. Введение. Тренды в изучении святости // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / отв. ред. С. А. Яцык. СПб., 2019.

Holger A. Klein. Sacred Relics and Imperial Ceremonies at the Great Palace of Constantinople // Visualisierungen von Herrschaft, Byzanz / F. A. Bauer (Hrsg.). No. 5. 2006.

Сведения об авторе

Гайденко Павел Иванович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник Института украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского Национальной академии наук, председатель редакционного совета журнала «Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях», г. Нежин (Украина). Область научных интересов: история древнерусской церковной организации и церковно-государственных отношений в Киевской Руси.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru .

P. I. Gaidenko

WHEN DID THE PRINCE BECOME A SAINT? SEVERAL OBSERVATIONS ABOUT THE PHENOMENON OF HOLINESS OF THE ANCIENT PRINCES OF THE XI-XIII CENTURIES (CONT'D)

Annotation: The criteria of holiness as a scientific and ideological problem have long attracted the attention of not only theologians, for whom they have a purely “practical”

significance, but also of secular researchers. These criteria were determined by many factors: the expectations of those who created the cult or were ready to accept it, ethnic, social and political preferences of the time, the general cultural level of society and the social group in which the phenomenon of the saint was “born”, etc. In the noted context, one thing is undoubted – the cults of the holy princes in Russia arose as a product of the era. At some stage, the holy princes, in terms of their popularity, gave way to the cults of saints, holy fools, saints, and martyrs. However, the first three centuries of Christianity in Russia are the centuries of holy princes. Everything indicates that the princes, if only they were not outcasts and retained their position in the complex internal hierarchy of the ruling clan, upon death could receive honors similar to those that turned out to be saints. Given that the general church glorification of a significant part of the princes took place at a later time, there is every reason to believe that their veneration as saints began from the moment of burial.

This article is a continuation of the report delivered at SPbTA in October 2020.

Keywords: Ancient Rus, Domoskovskaya Rus, holy princes, canonization in the Russian Orthodox Church, History of the Russian Church, saints of Ancient Rus.

References

Sources:

Povesti o zhitii i o khrabrosti blagovernago i velikago knyazya Aleksandra [The Tale of the Life and the Bravery of the Blessed and Grand Duke Alexander]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi: Vol. 5: XIII century. St. Petersburg, 2005. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 1: Lavrent'evskaya letopis'. Moscow., 1997. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 2: Ipat'evskaya letopis'. Moscow, 2001. (In Russian).

Polnoe sobranie russkih letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. Vol. 25: Moskovskij letopisnyj svod kontsa XV v. Moscow, 2004. (In Russian).

Pokhvala knyagine Ol'ge [Praise to Princess Olga]. Pamyatniki obshchestvennoj mysli Drevnej Rusi: In 3 vol.: Vol. 1: Domongol'skij period. Moscow, 2010. (In Russian).

Slovo o Zakone i Blagodati mitropolita Ilariona [Word about the Law and Grace of Metropolitan Hilarion]. Pamyatniki obshchestvennoj mysli Drevnej Rusi: Vol. 1: Domongol'skij period. Moscow, 2010. (In Russian).

Researches:

Alekseev A. I. Dukhovnaya kul'tura srednevekovoj Rusi [Spiritual culture of medieval Russia]. Moscow, 2016. (In Russian).

Gaidenko P. I. K probleme tipologizatsii monastyrej domongol'skoj Rusi (okonchanie) («tsarskie» monastyri domongol'skoj Rusi) [To the problem of typologization of monasteries of pre-Mongol Rus (end) (“royal” monasteries of pre-Mongol Rus)].

Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. No. 6. St. Petersburg, 2016. (In Russian).

Ganshin O. Sakral'na organizatsiya knyazivs'koï usipal'ni Kirilivs'koï tserkvi Kieva ta datuvannya її freskovih rozpisiv [Sacral organization of the princely supportive church of St. Cyril of Kiev and the date of the frescoes]. Slavisticha zbirka [Slavic collection]. No 4. 2018. (In Ukrainian).

Golubinskij E. E. Istorija kanonizatsii svyatyh v Russkoj tserkvi [History of the canonization of saints in the Russian Church]. Moscow, 1903. 597 p. (In Russian).

Dmitriev M. V. Konfessional'nye osobennosti predstavlenij o kul'te svyatyh v nekotoryh polemicheskikh tekstah Moskovskoj Rusi kontsa XV–XVI vv. [Confessional peculiarities of ideas about the cult of saints in some polemical texts of Muscovy Russia of the late XV–XVI centuries]. Evropa svyatyh. Sotsial'nye, politicheskie i kul'turnye aspekty svyatosti v Srednie veka. St. Petersburg, 2019. (In Russian).

Ivakin G. Yu., Balakin S. A. Arkheologichni doslidzhennya Uspens'kogo soboru u 1998 r. [Archaeological reports of the Assumption Cathedral at 1998]. Arkheologichni vidkryttya v Ukraïni 1997-1998 rr. Kiïv, 1998. (In Ukrainian).

Karger M. K. Drevnij Kiev: Ocherki po istorii material'noj kul'tury drevnerusskogo goroda [Ancient Kiev: Essays on the history of material culture of the ancient Russian city]. in 2 vol.: Vol. 2: Pamyatniki kievskogo zodchestva X–XIII vv. Moscow–Leningrad, 1961. (In Russian).

Karger M. K. K voprosu o sarkofagah kn. Vladimira i Anny (Doklad na sektore dofeodal'noj i feodal'noj Vostochnoj Evropy 3 iyunya 1940 g.) [To the question of the sarcophagi of the princes Vladimir and Anna (Report on the sector of pre-feudal and feudal Eastern Europe on June 3, 1940)]. Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah instituta istorii material'noj kul'tury. No. VII. Moscow–Leningrad, 1940. (In Russian).

Karger M. K. Knyazheskoe pogrebenie XI v. v Desyatinnoj tserkvi [Princely burial of the XI century in the Tithe Church]. Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah instituta istorii material'noj kul'tury. No. IV. Moscow–Leningrad, 1940. (In Russian).

Kondakov N. P. Izobrazheniya knyazheskoj sem'i v miniatyurah XI v. [Images of the princely family in miniatures of the XI century]. St. Petersburg, 1906. (In Russian).

Kostromin K. A. Knyaz' Vladimir i istoki russkoj tserkovnoj traditsii: etyudy ob epokhe prinyatiya Rus'yu khristianstva [Prince Vladimir and the origins of the Russian church tradition: sketches about the era of the adoption of Christianity in Russia]. St. Petersburg, 2016. (In Russian).

Musin A. E. Khristianizatsiya Novgorodskoj zemli v IX-XIV vekah. Pogrebal'nyj obryad i khristianskie drevnosti [Christianization of the Novgorod land in the IX–XIV centuries. Funeral rites and Christian antiquities]. St. Petersburg, 2002. (In Russian).

Paramonova M. Yu. Svyatye praviteli Latinskoj Evropy i Drevnej Rusi:

sravnitel'no-istoricheskij analiz vatslavskogo i borisoglebskogo kul'tov [The Holy Rulers of Latin Europe and Ancient Rus: a Comparative Historical Analysis of the Wenceslas and Borisoglebsk Cults]. Moscow, 2003. (In Russian).

Preobrazhenskij A. S. Ktitorskie portrety srednevekovoj Rusi. XI – nachalo XVI veka [Ktitor portraits of medieval Russia. XI – early XVI century]. Moscow, 2010. (In Russian).

Prisyolkov M. D. Ocherki po tserkovno-politicheskoj istorii Kievskoj Rusi X–XII vv. [Essays on the church-political history of Kievan Rus X–XII centuries]. St. Petersburg, 2003. (In Russian).

Rappoport P. A. Russkaya arkhitektura X–XIII vv. Katalog pamyatnikov [Russian architecture of the X–XIII centuries. Catalog of monuments]. Leningrad, 1982. (In Russian).

Relikvii po izvestiyam russkih letopisej XI–XVII vekov [Relics according to the news of the Russian chronicles of the XI–XVII centuries]. Compilation and comments by M. A. Mahan'ko i E. M. Saenkova. Relikvii v Vizantii i Drevnej Rusi. Pis'mennye istochniki. Moscow, 2006. (In Russian).

Romanenko E. V. Svyatyje strastoterptsy i kriterii ih kanonizatsii [Holy martyrs and the criteria for their canonization]. «Vosstanet cesar' v opustevshej zemle». Lyudi, vremya i prostranstvo russkoj istorii. K 70-letiyu professora N. S. Borisova. St. Petersburg, 2020. (In Russian).

Samojlova T. E. Svyashchennoe prostranstvo knyazheskogo groba [The sacred space of the prince's coffin]. Ierotopiya. Sozdanie sakral'nyh prostranstv v Vizantii i Drevnej Rusi. Moscow, 2006. (In Russian).

Sinkevich N. A. Kul'ty svyatyh Mogilyanskogo vremeni mezhdru Rimom, Konstantinopolem i Moskvoj (na primere «Paterikona» Sil'vestra Kosova i «Teraturgimy» Afanasiya Kal'nofojskogo) [Cults of saints of the Mohyla period between Rome, Constantinople and Moscow (on the example of “Paterikon” by Sylvester Kosov and “Teraturgim” by Athanasius of Kalofsky)]. Evropa svyatyh. Sotsial'nye, politicheskie i kul'turnye aspekty svyatosti v Srednie veka. St. Petersburg, 2019. (In Russian).

Skripkina E. V. Fyodor Ivanovich i Boris Godunov v russkoj publitsistike pervoj chetverti XVII vv. [Fyodor Ivanovich and Boris Godunov in Russian journalism of the first quarter of the XVII century]. Omskij nauchnyj vestnik. No. 5 (91). 2010. (In Russian).

Tolochko A. P. «Porty blazhennyh pervyh knyazej»: k voprosu o vizantijskih politicheskikh teorijah na Rusi [“The clothes of the blessed first princes”: on the question of Byzantine political theories in Russia]. Yuzhnaya Rus' i Vizantiya: sb. nauch. tr. (k XVIII kongressu vizantinistov). Kiev, 1991. (In Russian).

Tolochko P. P. O meste i vremeni kreshcheniya i kanonizatsii Vladimira Svyatoslavicha [About the place and time of the baptism and canonization of Vladimir Svyatoslavich]. Vizantijskij vremennik [Byzantine time book]. Moscow, 2011. Vol. 70 (95). (In Russian).

Tyumentsev I. O. Perezakhoroneniya tel Borisa Godunova i ego sem'i v kontekste ideologicheskogo protivostoyaniya v Smutnoe vremya [Reburial of the bodies of Boris

Godunov and his family in the context of ideological confrontation in the Time of Troubles]. Deulinskoe peremirie 1618 g.: vzglyad cherez chetyre stoletiya. Materialy konferentsii, posvyashchennoj 400-letiyu Deulinskogo peremiriya (Moskva, 11 dekabrya 2018 g). Moscow, 2018. (In Russian).

Ul'yanov O. G. Pervoe chudo Aleksandra Nevskogo: kolliziya agiografii i tserkovnoj praktiki [The first miracle of Alexander Nevsky: the collision of hagiography and church practice] // *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah.* Nauchnyj zhurnal. No 1 (12). 2020. (In Russian).

Uspenskij F. B. Kreshchenie kostej Olega i Yaropolka v svete russko-skandinavskih kul'turnyh vzaimosvyazej [Baptism of the bones of Oleg and Yaropolk in the light of Russian-Scandinavian cultural relationships] // *Norna u istochnika Sud'by: Sbornik statej v chest' Eleny Aleksandrovny Mel'nikovoj* [Norn at the source of Destiny: Collection of articles in honor of Elena Aleksandrovna Melnikova]. Moscow, 2001. (In Russian).

Khoroshev A. S. Politicheskaya istoriya russkoj kanonizatsii (XI–XVI vv.) [Political history of Russian canonization (XI–XVI centuries)]. Moscow, 1986. (In Russian).

Shavelev A. S. Letopisnye izvestiya o kreshchenii YAropolka Svyatoslavicha [Chronicle news about the baptism of Yaropolk Svyatoslavich] // *Vestnik RGGU.* No. 12. 2011. (In Russian).

Ebbinghaus Andreas. Obraz Borisa Godunova v rossijskoj istoricheskoy traditsii (XVII–XIX vv.) [The image of Boris Godunov in the Russian historical tradition (XVII–XIX centuries)] // *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya* [Bulletin of the Samara State University. History, pedagogy, philology]. Vol. 23. No. 2. 2017. (In Russian).

Yatsyk S. A. Vvedenie. Trendy v izuchenii svyatosti [Introduction. Trends in the Study of Holiness] // *Evropa svyatyh. Sotsial'nye, politicheskie i kul'turnye aspekty svyatosti v Srednie veka.* St. Petersburg, 2019. (In Russian).

Holger A. Klein. Sacred Relics and Imperial Ceremonies at the Great Palace of Constantinople // *Visualisierungen von Herrschaft, Byzas* / F. A. Bauer (Hrsg.). No. 5. 2006. (In English).

About the author

Gaidenko Pavel I., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science of the Institute of Humanities and Applied Sciences of the Moscow State Linguistic University, Senior Researcher at the Institute of Ukrainian Archeography and Source Study of the National Academy of Sciences, Chairman of the Editorial Board of the journal “Paleorosiya. Ancient Russia: in time. in personalities, in ideas”, Nezjyn (Ukraine).

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru